

Новгород в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия Логофета

Novgorod in the *Znamenskii* and *Khutynskii* Cycles by Pachomius Logothetes

**Зоя Николаевна
Исидорова**

независимый исследователь,
С.-Петербург, Россия

Zoia N. Isidorova

independent scholar,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье проанализированы высказывания о Великом Новгороде в циклах текстов, написанных в конце 1430-х гг. Пахომием Логофетом (Пахომием Сербом) по заказу новгородского архиепископа Евфимия II для двух местных церковных праздников — Знамения иконы Богородицы и дня памяти Варлаама Хутынского. Исследование показало, что в Знаменском и Хутынском циклах представлена новая концепция Новгорода, не известная по более ранним текстам, в том числе тем, что послужили Пахومیю основными источниками. Пахомий отделяет город как пространство от населяющих его жителей и утверждает, что сам город является сакральным и находится в особых отношениях с высшими силами — Богом и Богородицей, как его верховными сюзеренами, а также Варлаамом Хутынским. Одновременно Пахомий акцентирует роль архиепископа Иоанна, героя Знаменского цикла, как посредника между Богом и Новгородом, который общается с Богом, способствует укреплению веры в жителях Новгорода и ведет их к спасению. Появление такой схемы мироустройства, одним из основных элементов которой стал Новгород как священный город, можно связать с

Цитирование: *Исидорова З. Н.* Новгород в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия Логофета // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 1. С. 93–126.

Citation: *Isidorova Z. N.* (2024) Novgorod in the *Znamenskii* and *Khutynskii* Cycles by Pachomius Logothetes. *Slověne*, Vol. 13, № 1, p. 93–126.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.1.03

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

2024 №1 *Slověne*

потребностью в легитимации возросшего влияния архиепископа Евфимия II в сфере управления светскими делами Новгорода. Статья также предлагает решение вопроса о территориальном охвате понятия «Великий Новгород» в текстах Пахомия и обращает внимание на примечательное изменение в репрезентации отношений Новгорода со «всей Русской землей».

Ключевые слова

Великий Новгород, Пахомий Логофет, Пахомий Серб, Евфимий II (новгородский архиепископ), икона Богородицы «Знамение», Варлаам Хутынский, богослужебные тексты, средневековый город, городская идеология, средневековая республика, священный город, теократия, архиепископ, политическая власть, легитимация власти

Abstract

This is a detailed exposition and analysis of what is said about the city of Novgorod in the two cycles of texts composed by Pachomius Logothetes (the Serb) for two Novgorodian religious feasts—the feast of the icon of the Mother of God of the Sign (“Znamenie”) and the feast of St. Varlaam Khutynskii. Pachomius wrote these cycles on the order of Archbishop Evfimii II of Novgorod at the end of the 1430s. The study shows that the cycles present a new conception of Novgorod that we do not find in any earlier texts, including the main sources for these cycles. Pachomius considers Novgorod separately from its inhabitants and asserts that the city itself enjoys special protection from the Mother of God and God himself as the city’s sovereigns, and also from Varlaam Khutynskii. He also distinguishes Archbishop Ioann, a hero of the Znamenskii cycle, as God’s agent. The archbishop communicates with God, helps to strengthen the devotion of the people of Novgorod, and leads them to salvation. I hypothesize that this scheme with the idea of Novgorod as a sacred city could be aimed primarily at the legitimation of the secular power of Archbishop Evfimii II. Moreover, the article suggests what territory corresponds to the notion of Novgorod the Great in Pachomius’s texts. It also points out a notable change in the representation of the relations of Novgorod and “the whole Russian land.”

Keywords

Novgorod the Great, Pachomius Logothetes, Pachomius the Serb, Archbishop Evfimii II of Novgorod, icon of the Mother of God of the Sign, Varlaam Khutynskii, religious texts, medieval city, urban ideology, medieval republic, sacred city, theocracy, archbishop, political authority, legitimation of power

Введение

В последнее время появилось немало работ, посвященных новшествам в репрезентации Новгорода в летописных, эпистолярных и дипломатических текстах, а также в городской символике и культовых изображениях XIV–XV вв. Однако до сих пор оставался почти не изученным образ Новгорода в циклах богослужебных текстов, написанных

Пахомием Логофетом в конце 1430-х гг. для двух местных новгородских церковных праздников — дня памяти Варлаама Хутынского (далее — Хутынский цикл) и празднования иконе Богородицы «Знамение» (далее — Знаменский цикл), с которой связана легенда о чудесной победе новгородцев над суздальским войском, осадившим Новгород зимой 1169–70 гг. Исключением оказались лишь фразы из текстов Знаменского цикла, декларирующие политическую независимость Новгорода и право новгородцев на владение территориями. Эти фразы привлекали внимание исследователей своим эксплицитно выраженным политическим содержанием [Севастьянова 2011: 350–351; Агафонов 2015а: 16–19; Лукин 2021а: 67–68; Исидорова 2023].

Между тем о Новгороде в этих циклах говорится много больше, и даже беглое сопоставление произведений Пахомия с его основными источниками — проложным Житием Варлаама Хутынского и «Словом о знамении», написанными неизвестными авторами, — показывает, что того образа города, который мы находим в циклах Пахомия, в этих ранних текстах не было¹. Очевидно также, что тематика, богослужбное предназначение, а также значительный объем Знаменского и Хутынского циклов открывали возможность для развития и экспликации таких идей, которые не были, а то и не могли быть представлены в летописях или грамотах; и этой возможностью Пахомий и его заказчик, новгородский архиепископ Евфимий II, воспользовались. Важно также, что эти тексты предназначались самой широкой новгородской публике и повторялись во время ежегодных общественных богослужений, а значит, представленные в них идеи имели хорошие шансы стать важным элементом коллективной идентичности жителей Новгорода в последние десятилетия его независимости. Роль подобных регулярно повторяемых в условиях ритуальной коммуникации текстов для формирования коллективной идентичности группы подробно рассмотрена Яном Ассманом. Содержание и богослужбное предназначение Знаменского и Хутынского циклов Пахомия позволяет относить их к тому типу текстов, которые Ассман называет «обосновывающей историей» [Ассман 2004: 23, 54–62, 79–83, 153, 156, 240].

Эти соображения понуждают внимательнее отнестись к представленному в Знаменском и Хутынском циклах образу Новгорода и изучить его во всех деталях, чему будет посвящена первая часть этой статьи. Во второй части работы исследуется вопрос о территориальном

¹ На некоторые другие идейные расхождения между текстом «Слова о знамении» и текстами Знаменского цикла Пахомия Логофета исследователи уже обращали внимание: [Плюханова 1995: 34–35; Агафонов 2015а: 16–19; Idem 2015b: 114–115; Карбасова, Исидорова 2020: 258–268; Лукин 2021а: 67–68; Исидорова 2023: 42–50].

охвате понятия «Великий Новгород» в ранних новгородских циклах Пахомия (в тех случаях, когда под ним имеется в виду именно территория). Наконец, исходя из предположения, что в этих произведениях представлена определенная идеология, я рассматриваю созданный Пахомием образ Новгорода в связи с другими важнейшими идейными элементами этих циклов и предлагаю гипотезу, позволяющую объяснить появление в текстах Пахомия такого образа города.

Говоря об «идеологии» в применении к текстам Пахомия, я ориентируюсь на определение этого понятия в работах тех современных медиевистов, которые понимают его в узком смысле, как отличающееся относительной системностью представления об устройстве мира у людей, принадлежащих одной культуре или одной или нескольким социальным группам, а также объяснения такого миропорядка, которые даются этими людьми в специально разработанной и организованной речи, формулировки которой позволяют обнаружить определенную интенцию, причем в ее поддержании и распространении обычно большую роль играют институты, прежде всего церковь или государство [Steinsland 2011: 4; Росіña 2019: 300–301]. Все это справедливо для Знаменского и Хутынского циклов Пахомия.

Схожим образом определяет понятие «идеологии» и Тён ван Дейк. Согласно его мультидисциплинарной теории, идеология по своему содержанию образует «аксиоматическую» основу социальной идентичности и репрезентации группы, а также основу ее внутренней легитимации, содержание которой определяется нормами и ценностями группы и имеет определенную структуру [Dijk 1998: 313–318]. В рамках этой теории предположение о том, что Знаменский и Хутынский циклы Пахомия выражают определенную идеологию, обосновано (помимо указанного выше), во-первых, тем, что, согласно наблюдениям ван Дейка, довольно типичной и важной частью социальной репрезентации группы является интерпретация в качестве символов групповой идентичности значимого для группы исторического события и связанных с группой героев [Ibid.: 123–125], т. е., в терминологии Яна Ассмана, «обосновывающей истории». В Знаменском цикле это история чудесного спасения Новгорода от осады суздальским войском и архиепископ Иоанн, который представлен Пахомием как человек, сыгравший ключевую роль в этом деле. В Хутынском цикле связанный с группой герой — святой Варлаам. Во-вторых, типичным признаком идеологии по ван Дейку [Ibid.: 69, 129, 159–160] является наличие в Знаменском цикле жесткого антагонизма между группой положительных «своих» («мы» — новгородцы) с «нашим» лидером (архиепископом Иоанном) и группой отрицательных «чужих» («они» — суздальцы) с «их»

лидером (великим князем Андреем, организатором похода на Новгород)². Все это позволяет рассматривать комплекс идей, представленных в ранних новгородских циклах Пахомия, как идеологию и интерпретировать определяемую в них интенцию в контексте той среды и исторической ситуации, в которой появились эти тексты. Я называю этот комплекс идей «религиозно-политической концепцией» или «политической идеологией», поскольку в отношении содержания речь идет об идеях, касающихся как представлений о мироустройстве в целом, так и принципа организации и управления конкретной человеческой общности, здесь — новгородского городского коллектива. В то же время, выполняя идеологическую функцию «обосновывающей истории», эта концепция должна была служить формированию того, что Ян Ассман называет «политической идентичностью» и «политическим воображением» определенного человеческого коллектива [Ассман 2004: *passim*].

Знаменский и Хутынский циклы сохранились в автографах Пахомия в сборнике-конвolute из Софийского собрания Российской национальной библиотеки (*Соф.* 429), который по комплексу филиграней и лингвистических особенностей исследователи датируют концом 30-х — началом 40-х гг. XV в., т. е. ранним периодом пребывания Пахомия в русских землях [Карбасова et al. 2019: 173–177, 179–180]³. Знаменский цикл включает Службу Знамения с двумя канонами в соединении со Службой Иакову Перскому, краткий повествовательный текст для чтения на утрени после 6-й песни канонов под названием «Вспоминание знамения бывша иконою прѣчистие Владычице наше Богородице въ Великом Новѣградѣ» (далее — «Воспоминание», в ссылках — *В*) и Похвальное слово (далее в ссылках — *ПС*)⁴. Хутынский цикл состоит из Службы, Жития и Похвального слова Варлааму Хутынскому⁵. Далее

² См. об этом подробнее в моем докладе «Знаменский цикл Пахомия Логофета как “обосновывающая история”», прочитанном на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН 29 марта 2023 г. [https://www.youtube.com/watch?v=t-VEGo_9cZg].

³ Графико-орфографические особенности автографа Жития Варлаама Хутынского, указанные Ж. Л. Левшиной [Карбасова et al. 2019: 177–180], обнаруживаются и в автографе Знаменского цикла.

⁴ О составе, датировке и атрибуции этих текстов Пахомию Логофету см. в: [Карбасова, Исидорова 2020: 254–258].

⁵ О пахомиевских текстах, составляющих цикл, посвященный Варлааму Хутынскому, см.: [Карбасова 2018: 5–13; Eadem 2020: 157–172; Карбасова et al. 2019: 180–187]. В соответствии с задачей этой статьи к исследованию не привлекается так называемая Вторая Пахомиевская (по Т. Б. Карбасовой) редакция Жития Варлаама Хутынского, поскольку она возникла значительно позднее Знаменского цикла и представленной в *Соф.* 429 редакции Хутынского цикла, в других обстоятельствах и ее появление не связано с деятельностью архиепископа Евфимия II. Предложенная Л. А. Дмитриевым [1973: 30–31] датировка этой редакции первой половиной 1440-х гг. не выдерживает критики,

тексты Знаменского и Хутынского циклов цитирую по автографу Пахомия в *Соф.* 429, приводя номера листов без указания шифра рукописи; при цитировании текстов Хутынского цикла дополнительно указываю страницы по публикациям, выполненным Т. Б. Карбасовой [Карбасова 2018: 16–25; Eadem 2020: 173–188; Карбасова et al. 2019: 190–196]. Для ссылок на тропари служб приняты такие сокращения: *П1* — первая песнь и т. д.; *К1* — первый канон, *К2* — второй канон; *т1* — первый тропарь и т. д.

В анализе черт образа Новгорода в Знаменском и Хутынском циклах я сопоставляю тексты Пахомия с их источниками — проложным Житием Варлаама Хутынского и «Словом о знамении». Созданное, вероятно, при архиепископе Иоанне, в самом конце XIV в. [Севастьянова 2011: 261–264], «Слово» известно в большом количестве списков, из которых три самых ранних — *Увар.* 325, *Ф.п.1.48* (список неполный из-за утраты листа в рукописи) и *Соф.* 396 — датируются первой третью XV в., т. е. временем до написания Знаменского цикла Пахомием. По этим спискам «Слово» было издано О. В. Лосевой [2009: 202–206, 328–334]. Пахомиевское «Воспоминание» очень близко воспроизводит текст «Слова о знамении» [Дмитриев 1973: 111–126], но при этом в ряде существенных моментов отличается от него. Текст «Слова» в Прологе *Ф.п.1.48* наиболее близок тексту «Воспоминания», поэтому «Слово о знамении» я цитирую по этому списку, а фрагменты из отсутствующей в этой рукописи части текста и существенные разночтения привожу по двум другим спискам (*Увар.* 325 и *Соф.* 396) в публикации Лосевой [2009: 328–334]. Проложное Житие Варлаама Хутынского цитирую здесь по Прологу первой трети XIV в. (*Син. тип.* 157) в публикации Лосевой [Лосева 2009: 319–324]. Все цитаты по рукописям и по публикациям Лосевой даются в упрощенной орфографии, титла раскрываются. Курсив во всех цитатах мой.

I. Основные элементы репрезентации Новгорода в Знаменском и Хутынском циклах

В работе, посвященной упомянутым выше декларативным фразам в Знаменском и Хутынском циклах, я объясняю отказ от присутствовавшего в «Слове о знамении» религиозного обоснования права новгородцев на территории и исключение каких-либо упоминаний божественной помощи новгородцам в их территориальных конфликтах стремлением Пахомия и архиепископа Евфимия акцентировать внимание на вопросе

и даже возможная датировка ее 1470-ми гг. вызывает сомнения, поскольку есть основания отнести составление этой редакции к рубежу XV–XVI вв., т. е. ко времени, когда и Пахомия уже не было в живых [Карбасова 2021: 244–246].

о власти в самом Новгороде с целью утвердить мысль о том, что верховная власть над городом принадлежит Богу и Богородице при посреднической роли архиепископа [Исидорова 2023]. Эта религиозно-политическая концепция зиждется, как я собираюсь теперь показать, на ключевой, но до сих пор не отмеченной в исследованиях особенности в репрезентации Новгорода, отличающей Знаменский и Хутынский циклы Пахомия Логофета от более ранних произведений, посвященных тем же праздникам: в своих текстах Пахомий отделяет город как пространство от живущих в нем людей и показывает, что само пространство города находится в особых отношениях с высшими силами — Богом, Богородицей и Варлаамом Хутынским.

1. «Град и люди»: город как пространство и субъект. В то время как большая часть молитв любого православного богослужения содержит прошения о благе для людей, в двух тропарях (первом и последнем) 9-й песни первого канона Знамени использована редко встречающаяся в богослужебных текстах формула «град и люди», выделяющая город как особый, отдельный от его жителей («людей») предмет заботы, о котором молятся Богородице: «Милосръднимъ оком съвише призири на *град и люди* твое, Прѣчистаа...» (П9К1м1, л. 181об.); «...Мати Божиа, обычние милости твоее на *град и люди* милостивно показуащи...» (П9К1м3, л. 182). Эта формула была заимствована Пахомием из так называемого Канона «трусу» Службы на 26 октября, посвященной памяти святого Димитрия Солунского и воспоминанию о разрушительном землетрясении («трусе») в Константинополе. Важно, что если во втором процитированном фрагменте (из П9К1м3) формула «град и люди» находится внутри повторенного почти без изменений текста богородична первой песни Канона «трусу»⁶, то в П9К1м1 эта формула появилась независимо от остального текста, т. е. точно не является случайным, чисто «механическим» заимствованием из источника. Вероятно, Пахомий нашел ее настолько подходящей, что решил включить и в самостоятельно составленный им тропарь, и уже это позволяет предположить, что отделение города как пространства от населяющих его людей играет какую-то концептуальную роль в Знаменском цикле. Источник же формулы «град и люди» свидетельствует о влиянии византийских градозащитных культов на концептуализацию города в текстах Пахомия и о посреднической роли богослужебных текстов в распространении этого влияния.

⁶ Из этого канона Пахомий заимствовал все богородичны, которые целиком или с небольшими изменениями сделал последними тропарями первого канона Службы Знамени, расположив их, однако, в обратной последовательности песней [Исидорова 2020а: 232–233]. Такой прием работы с источниками характерен для Пахомия [Карбасова 2020: 164–165].

В текстах, посвященных Варлааму Хутынскому, Пахомий представляет Новгород как пространство, содержащее мощи святого, и к тому же одушевляет город: «Великыи бо Новъград велми тобою *хвалитъся*, *имѣе мощи твое въ себѣ*, *егоже* и съхрани от врагъ непоколѣбима, да зовем ти: радуися, преподобне Варлааме, отче нашъ» (кондак, л. 25об.) [Карбасова 2020: 184]; «Яко въ порфиру и висонь, и царьскую багреницу одѣяв-ся тобою Велики Новъград, днесъ убо, *свѣтло тръжьствуе*, *веселитъся*, Варлааме, *имѣе въ себѣ*, яко неистъщимое скровище» (*П4т1*, л. 20об.) [Ibid.: 183]. Есть несколько причин полагать, что под «Великим Новгородом» здесь имеется в виду город как пространство, а не его жители, т. е. слова «хвалитъся» и «свѣтло тръжьствуе, веселитъся» описывают действия именно города как пространства, а не действия населяющих его людей. Во-первых, в обоих случаях говорится о том, что мощи Варлаама Новгород «имеет *в себѣ*», как в некотором замкнутом пространстве, подобном ларцу или ковчегу. Во-вторых, в процитированном кондаке, а также в следующем за ним икосе, молящиеся просят о городе в третьем лице: «*егоже* и съхрани». Наконец, в стихире-славнике на малой вечерне той же службы Великий Новгород представлен как «говорящий» от первого лица пространственный субъект: «...Великыи же Новъград, проповѣдуе, хвалитъся: “*Имѣю бо въ себѣ*, *рече*, неистъщимое скровище...”» (л. 4) [Ibid.: 175–176]. То, что «говорящим» субъектом у Пахомия вполне может быть город как пространство, подтверждается использованием приема одушевления в другом его произведении — написанном много позже Житии Евфимия Новгородского, где архиепископа хвалят построенные или обновленные по его повелению церкви⁷.

2. «Град твой, Прѣчистая». В Знаменском цикле Пахомий «усваивает» Богородице и Христу не только жителей города, сочетая лексемы «люди», «рабы» и «стадо» с местоимениями «твой» и «свой», что обычно встречается в молитвах, но и сам город. В этом отношении особенно показательное сравнение со «Словом о знамении», где город мыслится не иначе, как принадлежащий жителям, о чем говорит неизменное

⁷ Хвалят они его не словами, но самой своей материальной сущностью, Пахомий же перекладывает их «речь» в слова: «...аще и не гласомъ, *вещми же възвѣстѣ* и свою красоту по разньству *повѣдающе*, *яко вещьми рещи*: “Сия архиепископъ Евфимие дарова ми”. Иная же церкви, *яко хвалящися* и свое благоглѣпие являющи, *вещми глаголетъ*: “А симъ мене украси”. Иная же *приглашаетъ*, *той вещьми глаголетъ*: “И мене от основания въздвиже”. Храмъ же великаго Иоана Златоустаго высоко стоя, иже от него създанныи, *яко рукою того благословляетъ*, *глаголя*: “Понеже храмъ въздвиже на земли, азъ умолю Творца храмы тебѣ даровати на небесѣхъ”» (*Егор. 637*, л. 433об.). (Приношу благодарность Т. Б. Карбасовой, сообщившей мне об этом раннем новгородском списке Жития Евфимия, который она готовит к публикации в серии «Книжные центры Древней Руси», издаваемой ИРЛИ РАН.)

использование фразы «град наш» — пять раз, как в молитвах, так и в нарративе. В Знаменском цикле выражение «град наш» тоже встречается, однако только в молитвах: три раза в «Воспоминании», из которых два — заимствования из «Слова о знамении» (л. 174об., 175, 177об.), и два раза в Похвальном слове (л. 197, 200об.). При этом значительно чаще в обращениях к Богородице или Христу Пахомий использует фразу «град твой». В службе она встречается 16 раз в молитвах к Богородице — например: «Избави языческаго нашъства *градъ твои*, Всепѣтаа...» (П6К1м1, л. 169) — и четыре раза в обращениях ко Христу (л. 159об., 164, 166об., 186), а также два раза в хайретической части Похвального слова (л. 198). Говоря о Богородице в третьем лице в нарративной (центральной) части Похвального слова, Пахомий использует словосочетание «град свой»: «...но своемъ бо *градъ* Богородица побараючи...» (л. 193об.), а в одном из обращенных ко Христу тропарей называет Новгород городом Богоматери: «...град Прѣчистие ти Матере, Слове» (П4К1м2, л. 166).

Хотя невозможно однозначно определить, означает ли в этих обращениях слово «град» только город как пространство или город вместе с людьми, все же, если принять во внимание то, что уже было сказано выше, а также идеи, о которых пойдет речь далее, интерпретация слова «град» как пространства окажется в этих случаях наиболее вероятной.

3. «Сокровище граду твоему даровася»: икона Богородицы и мощи Варлаама Хутынского. В Знаменском цикле Пахомий утверждает, что икона Богородицы, связанная с чудом спасения города от осады, дарована Христом своему «граду»: «дароваль еси *граду* твоему икону Матере твоя, Слове» (П4К2м2, л. 166об.). В некоторых обращенных к Богородице песнопениях говорится о самом факте дарования иконы городу, а присутствие в городе иконы сравнивается с обладанием сокровищем: «Въ истину скровище чьстно *граду твоему* икона твоя, Прѣчистаа, даровася...» и «Свѣтоноснаа благодать и исцѣления дарование, дастся *граду твоему*, образъ твои, Прѣчистаа...» (П7К1м1 и П7К2м2, л. 177об.–178об.). Причину такой ценности иконы для города Пахомий объясняет в Похвальном слове: икона замещает на земле саму Богоматерь, которая, находясь на небесах, действует через свою икону, дарованную, как здесь утверждается, ею самую жителям Новгорода («нам»), причем они и осаждающие город враги видят Богородицу на иконе, как живую: «Аще бо ты у прѣстола Сина своего прѣдстоиши, нь *намъ даровала еси чьстную икону твою*, еже яко живу тебѣ, Матерь слову зряще, любьзно обლობызаемъ, благодарение показующе...» (ПС, л. 200об.)⁸. В некоторых случаях из текста

⁸ О вероятном источнике этого мотива см. в: [Карбасова, Исидорова 2020: 264–268].

невозможно понять, имеется ли в виду икона или сама Богородица: «... тебѣ заступницу граду твоему Слово Божие дарова...» (светилен, л. 184); «...и тако на забрала граду положиша, яко же нѣкоего воеводу и крѣпка блюстителя, от тое избавления чающе еже и бысть» (ПС, л. 192–192об.); «Якоже живу Матерь Слово видевше те суетумдрѣних многочисльное воинство, якоже бѣдрнаго блюстителя на забралех обстоима вѣрными...» (П1К2м4, л. 162об.). То, что икону полагается воспринимать как саму Богородицу, следует и из объяснения Пахомия, почему за иконой в церковь Спаса на Ильине улице архиепископу следовало идти самому, а не посылать за ней протодьякона и клириков: «Како бо можаху прикоснуться послани?! Не бо подобаше. Нѣ самому архиепископу и съ прочим множеством, псалѣмопѣниемъ, чѣстнѣ, якоже [...] царици, прѣдидуши, достойную чѣсть въздати...» (ПС, л. 191–191об.). Таким образом, в Знаменском цикле Пахомий фактически утверждает, что посредством своей иконы в Новгороде присутствует сама Богородица.

В Хутынском цикле даром Новгороду назван Варлаам Хутынский. В Похвальном слове, наравне с «блаженными» родителями святого, которым был дарован такой необыкновенный ребенок, Новгород тоже назван «блаженным», как место, которому был дарован святой: «Блажень еси вѣистину и ты, Вѣлики Новѣград, яко таковое *тебѣ дарованіе даровася*» (л. 53об.) [Карбасова 2018: 19]. Варлаам присутствует в городе посредством своих мощей. Они сравниваются с «неистощимым сокровищем», которым Новгород «хвалится» (л. 4, 20об., 25об.) [Ibid.: 175–176, 183, 184]⁹.

4. «По своемъ бо градѣ Богородица побараючи», «Богом покрываемый град». В Знаменском цикле Пахомий ввел совершенно новую мысль о том, что целью знаменія было указать новгородцам и осаждающим их суздальцам на активную роль Бога и Богородицы в защите Новгорода. Об этом архиепископу Иоанну говорит голосом от иконы Христа сам Бог, отвечая на вопрос о смысле использования иконы для победы над врагами¹⁰. Следуя Акафисту и связанной с ним «Повести о неседалномъ», Пахомий создал образ Богородицы — «воеводы» и стражника. При этом, описывая в Похвальном слове действия Богородицы в кульминационный момент противостояния новгородцев и суздальцев, Пахомий сперва вводит мотив ее помощи людям: «Непобѣдими же

⁹ Акцент, сделанный Пахомием на почитании мощей Варлаама в Службе и Похвальном слове, отметили А. Н. Кручинина и Т. Б. Карбасова [Карбасова 2020: 161].

¹⁰ «Можах бо азъ и безъ такового повелѣнія тѣхъ низложити, нѣ убо чюдо хотя уяснити иконою Матере моее, яко да посрамется иконоборци, вамъ же большу ползу притварае и вѣру еже въ ме утврѣждае» (ПС, 190об.).

воевода и побарающа по христианох Прѣчистаа Владычица, скороа призывающимъ помощница». Однако, подводя итог этому пассажи, он объясняет ее действия особыми отношениями с городом: «...но своемъ бо градъ Богородица побараущи...» (л. 193–193об.)¹¹. На связь Богородицы с городом как пространством указывает и мотив самого последнего, завершающего, тропаря второго канона Знамению, где способность Богородицы сохранить город от вражеского вторжения выводится по аналогии из того, что она чудесным образом сохранила в материнстве свое девство: «Дѣвства твоего знамение неврѣдимо съхранивъ, Слово Божие ис тебе прошѣд, съхрани град твои неразоримъ, Дѣво Вьсепѣтаа!» (П9К2м4, л. 182об.). Этот мотив восходит к наследующей античным культам и проявившейся в Акафисте византийской традиции почитания Богородицы как охранительницы города [Pentcheva 2006: 61–69].

Еще одним новшеством стало введенное Пахомием рассуждение, в котором болезнь, постигшая князя Андрея накануне похода на Новгород, интерпретируется как предостережение против нападения на город, который защищает сам Бог: «Мню, яко сего ради болѣзнь бысть ему, въ еже уцѣломудритися ему и прѣстати от начинания своего и не ратовати Богомъ покриваеми градъ» (ПС, л. 188об.). Этот риторический анонс грядущих неприятностей для суздальского войска Пахомий увенчал уподоблением великого князя египетскому фараону, которого не остановили «казни», предостерегавшие от преследования «народа Божьего» (Исх 7–11)¹². Хотя сравнение разгрома осаждавших Новгород суздальцев с гибелью египетского войска появилось уже в «Слове о знамении»¹³, там оно связано со схожими обстоятельствами гибели врагов, Пахомий же ввел имплицитное уподобление Новгорода находящемуся под защитой Бога «народу Божьему».

В Хутынском цикле тема защиты города от врагов не играет большой роли, однако она присутствует в нескольких песнопениях Службы

¹¹ Действия Богородицы в отношении осаждающих и осажденных Пахомий описывает в этом пассаже так: «...отврѣщышися от них образомъ, на град обратися, не тъкмо образомъ, нь и милосрѣдиемъ. [...] Рече бо, яко отврати лице свое от ратнихъ, абие и силу от нѣхъ отеть, и вмѣсто сихъ слѣпоту наведя, вѣрнимъ же своимъ рабомъ дръзновение дарова» (ПС, л. 193–193об.). Подробнее об образе Богородицы в Знаменском цикле, другие примеры из текстов цикла и библиографию по вопросу см. в: [Карбасова, Исидорова 2020: 259–264].

¹² «Якоже и лютаго онога фараона, многими ранами Моисеомъ наказуемъ, никакоже прѣста от прѣжднаго злаго и звѣрскаго своего начинания, дондеже и богопустнымъ гнѣвомъ потоплень бысть, и съ нимъ тъмамъ многамъ, такожде и сыи: никакоже прѣста гнѣвомъ дихае» (ПС, л. 188об.).

¹³ «И покры ихъ тма, якоже бысть при Моисѣи, егда бо проведе Богъ сквозѣ Чермьное море жиды, а фараона погрузи. Тако и на сихъ нападе трепеть и ужасть, и ослѣпоша вси, и начаша ся бити межи собою» (Соф. 396, л. 4об.) [Лосева 2009: 333–334].

Варлааму Хутынскому. Причем из упомянутого выше кондака можно заключить, что для защиты города важно присутствие в нем мощей Варлаама¹⁴. Это приводит на память драматический рассказ о чуде Димитрия Солунского «о Селунѣ градѣ», отражающий византийское представление о том, что пребывание в городе мощей святого может препятствовать захвату города врагами. Примечательно, что, как и Варлаам Хутынский для Новгорода, Димитрий был «своим» святым для Солуни, будучи связанным с этим городом всей своей судьбой. Чудо это было хорошо известно — рассказ о нем можно найти, например, на л. 63–63об. в Прологе *Ф.п.1.48*, — что позволяет предполагать какое-то его влияние на трактовку роли мощей святого в Хутынском цикле.

5. «Град Господень»: Великий Новгород в сопоставлении с Иерусалимом и Синаем. Характер связи Христа с Новгородом Пахомий объясняет в первой стихире на стиховне Службы Знамения: «Якоже дрѣвле въ Иерусалимѣ Зоровавеломѣ дрѣжавнаа ти десница чудодѣствоваше, Господи, многое бесчисленное противних побѣди, такожде и сих низложи, пришьдшихъ разорити градъ, его же искупи крѣвию своею, Слове: да разумѣють от дѣль, яко ты, Избавитель, съ нами еси» (л. 158)¹⁵. В этой стихире Пахомий уподобляет победу над осаждавшими Новгород суздальскими войсками событию библейских времен — победе над некими «бесчисленными» врагами, угрожавшими Иерусалиму при Зоровавеле, предводителе вернувшихся из вавилонского плена иудеев. Во второй части стихире, начинающейся со слов «также и сих», Пахомий, не называя Новгород, определяет его как «градъ, егоже искупи крѣвию своею, Слове». Это заявление помещает Новгород в контекст истории спасения и в то же время объясняет ценность Новгорода для Бога, т. е. причину, по которой он защищает город. При этом, кажется, нет оснований думать, что здесь подразумевается искупление жителей Новгорода как христиан. Искупленным, по-видимому, является город как пространство, какой бы странной ни казалась эта мысль.

Идея искупления Новгорода кровью Христа имеет, вероятно, тот же источник, что и фраза «град и люди», о которой шла речь выше, — это византийский Канон «трусу», где в *П5m2* есть фраза: «Люди и град, иже своею кровию стяжа Исусе» (*ТСЛ 480*, л. 227). Здесь неназванный город, который Иисус «приобрел» ценой своей крови, — Константинополь. Однако в стихире Службы Знамения связь Новгорода со

¹⁴ «Великми бо Новѣград велми тобою хвалитса, имѣе моци твоє въ себѣ, егоже и съхрани от врагъ непоколѣбима, да зовем ти: радунся, преподобне Варлааме, отче нашъ» (кондак, л. 25об.) [Карбасова 2020: 184].

¹⁵ Подробный анализ этой стихире см. в: [Исидорова 2020б].

страстями Христа имплицитно предполагает уподобление Новгорода не Константинополю, но Иерусалиму, на что непосредственно указывает сравнение чудесной победы под Новгородом с победой под Иерусалимом. Сравнение типично для древнерусской книжной традиции отождествления того или иного русского города с Иерусалимом на основании схожих обстоятельств — разорения города врагами или, наоборот, избавления города от опасности. Традиция была изучена А. А. Алексеевым [2003] на материале древнерусских летописей, исторических повестей и житий, однако уподобления Новгорода Иерусалиму в таком контексте среди его примеров нет. Уникальным является также использование сюжета, который выбрал Пахомий. В примерах, обнаруженных Алексеевым, благоприятный для города исход уподобляется исключительно избавлению Иерусалима от осады при нашествии Сеннахерима, сюжету, хорошо известному по нескольким пересказам в канонических книгах Библии. Между тем источником для Пахомия послужил фрагмент из какого-то хронографа, составленного на основе Хроники Георгия Амартола, где описан бесславно закончившийся поход на Иерусалим войска царя Дария [Исидорова 2020а: 219–220; Eadem 2020б: 238–239, 247].

Более емкое обобщающее указание на принадлежность Новгорода сфере сакрального находим в Похвальном слове Знамению, в составленной Пахомием из стихов разных псалмов благодарственной молитве спасенных новгородцев, где в составе цитаты из 100-го псалма (стих 8) «...въ еже потрѣбытися *от Града Господня* въсе творящей безаконие...» (л. 196) выражение «Град Господень», которое в оригинале означало Иерусалим, недвусмысленно относится к Новгороду.

Если в Знаменском цикле уподобление Новгорода Иерусалиму имплицитировано в библейских уподоблениях, то в Хутынском цикле это сравнение выражено явно. В Похвальном слове Варлааму Хутынскому сакральный статус Новгорода подтверждается тем, что он — место, порождающее святых, и в этом качестве Пахомий сопоставляет Новгород с Иерусалимом и с Синаем: «...откуда сии таковии велики свѣтилникъ въсяи, еда от Иерусалима или от Синае? Ни, рече. Нь Велики Новъград такового свѣтилника възрасти, лозу благочѣстия и плод прѣподобия» (л. 51об.–52) [Карбасова 2018: 18]. Сопоставление Новгорода с отмеченными присутствием Божиим Иерусалимом и Синаем предполагает, что и Новгород является таким местом. На сакральные качества Новгорода указывают также метафоры, которыми описан в этом пассаже сам Варлаам Хутынский, поскольку коннотативно их смысл распространяется и на место происхождения святого — через них «просвечивают» скрытые метафоры, обозначающие Новгород как источник огня, от которого

«велики свѣтилникъ въся», и как почву, которая «възрасти, лозу благочѣстия и плод прѣподобиа». Заметим, что все эти сравнения и метафоры определяют Новгород именно как место, как пространство.

б. «Великий Новгород»: изменение в именовании города. Наконец, стоит указать и такой важный для репрезентации Новгорода элемент, как именование города. Эпитет «великий» с усиленным лаудативным значением появился при названии Новгорода в грамотах новгородского происхождения не позднее 1330-х гг., а к концу XIV в. он уже закрепился в качестве официального обозначения новгородского политического образования, о чем свидетельствует прежде всего включение его в титул новгородского архиепископа в это время. Тем не менее в новгородских летописях он впервые появляется только под 1393 г. и начинает употребляться часто лишь в 1440-х гг. [Лукин 2018: 389, 393, 396, 399]. Это наблюдение соответствует тому, что мы видим в текстах, предназначенных для богослужений: не только в проложном Житии Варлаама Хутынского, но даже в списках «Слова о знамении», которые датируются первой третью XV в., город всегда именуется просто «Новгородом». И только в Хутынском и Знаменском циклах Пахомия впервые в богослужбных текстах появляется именование города с эпитетом «великий», причем ему явно отдается преимущество перед названием без эпитета¹⁶. Таким образом, можно утверждать, что из новгородских архиереев именно Евфимий II стал придавать особое значение прибавлению лаудативного эпитета к названию Новгорода в богослужбных и летописных текстах, и этот факт прекрасно сочетается с выявленной в текстах Пахомия тенденцией к сакрализации города.

II. Территориальный аспект понятия «Великий Новгород» в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия

Приведенные выше цитаты из Знаменского и Хутынского циклов как будто указывают на то, что сакральное пространство, называемое Пахомием «Великим Новгородом», соответствует физической территории города. Тем не менее есть основания тщательней разобраться в этом вопросе. В своей статье о Похвальном слове Варлааму Хутынскому Карбасова отметила, что в том фрагменте, где Пахомий сопоставляет

¹⁶ Служба Знамения: «Великий Новгород» — 5 раз (только в стихирах), «Новгород» — 2 раза (только в тропарях); «Воспоминание»: то и другое наименование по 3 раза; Похвальное слово Знамению: только «Великий Новгород» — 4 раза; Служба Варлааму Хутынскому: только «Великий Новгород» в различных типах песнопений — 8 раз; Житие Варлаама Хутынского: только «Великий Новгород» — 4 раза; Похвальное слово Варлааму Хутынскому: «Великий Новгород» — 5 раз, «Новгород» — 2 раза.

Новгород с Иерусалимом и Синаем, имеет место характерная для Пахомия «самоцитация» — совпадение текста с его же Житием Сергия Радонежского, над которым он работал примерно в то же время, используя те же источники [Карбасова 2018: 18; Eadem 2020: 170–172]. Мы не знаем, было ли сопоставление с Иерусалимом и Синаем придумано самим Пахომием или заимствовано им из какого-либо источника, однако ясно, что использование этого элемента в древнерусской агиографии начинается именно с Пахомия. В специальной статье, посвященной этому сюжету, С. А. Семячко обратила внимание на то, что в Житии Сергия Пахомий сравнил с Иерусалимом и Синаем не город Ростов, где родился Сергей, а всю «Русскую землю». В связи с этим исследовательница ставит вопрос, не означает ли Новгород в Похвальном слове Варлааму не только город, но и всю Новгородскую землю [Семячко 2020: 17]. Именно так интерпретирует выражение «Великий Новгород» Карбасова в своем анализе пахომиевской Службы Варлааму Хутынскому: «[С]овершенно отчетливо в службе звучит тема торжества Новгородской земли, которая прославляет своего чудотворца» [Карбасова 2020: 161].

Следует уточнить, что, как и в «Слове о знамении», в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия нет выражения «Новгородская земля». Это обстоятельство согласуется с выводом Ч. Дж. Гальперина о том, что редкое и непоследовательное использование этого словосочетания в новгородских летописях и договорах, а также неустойчивость и противоречивость его географического содержания свидетельствуют об отсутствии у этой фразы идеологического наполнения. Т. е. концепции «Новгородской земли» у новгородцев не было [Halperin 1999: 350, 356–357, 363]. «Предварительно» согласившийся с выводом Гальперина П. В. Лукин [2018: 399–403, 405] показал, что одним из вариантов употребления наименования «Новгород» или «Великий Новгород» в новгородских грамотах и других источниках было как раз обозначение политического образования, включавшего город и подчиненную ему территорию.

Насколько, однако, такая интерпретация соответствует пахომиевской концепции «Великого Новгорода» как сакрального пространства? Рассмотрим этот вопрос в различных контекстах, в том числе в сюжетах, где упоминаются другие территориальные образования, а именно: 1) в контексте отношений «Великого Новгорода» и «Русской земли»; 2) в связи с описанным в «Воспоминании» конфликтом Новгорода с подвластными ему землями; 3) в контексте основной сюжетной линии и идейного содержания Знаменского цикла; и 4) в связи с вопросом о территориальной принадлежности Хутынского монастыря.

1. «Великий Новгород» и «Русская земля». В одной из фраз первой стихирры на литии Службы Варлааму Хутынскому Пахомий называет святого «Русские земли удобрение, Великому же Новуграду похвала и утверждение» (л. 10) [Карбасова 2020: 177]. Едва ли стоит придавать большое значение имеющимся смысловым различиям между определениями роли Варлаама для «Русской земли» и для Новгорода, а тем более усматривать в них четко сформулированную концепцию¹⁷, отметим лишь, что «Великий Новгород» оказывается здесь обособлен от «Русской земли», хотя, что важно, не противопоставлен ей. При этом в отличие от Сергия Радонежского, которого Пахомий прославляет как общерусского святого¹⁸, Варлаам Хутынский у него тесно связан именно с Новгородом. Различие между святыми становится тем очевиднее, что в фразе из Похвального слова Варлааму, где Новгород сопоставляется с Иерусалимом и Синаем, о Русской земле не упоминается вовсе.

В отношении Знаменского цикла ту же проблему следует решать, сопоставляя тексты Пахомия со «Словом о знамении». Во всех трех ранних списках «Слова» перечень войск из разных русских городов, присоединившихся к суздальцам в походе на Новгород, заканчивается словами «и вся земля Руская»¹⁹. Эта фраза не только обособляет Новгород, но и однозначно противопоставляет его «всей земле Руской». У Пахомия в параллельном фрагменте «Воспоминания» и в Похвальном слове Знамению этой обобщающей фразы нет. Далее, в описании приступа Пахомий дважды отказался называть осаждавшие Новгород войска «русскими», как обобщенно называет их «Слово»²⁰.

¹⁷ Ср. определение значения Сергия для князей, монахов и преподобных в одном из ранних списков службы ему: «постником похвало» и «вѣрным князем похвало и утверждение» (ТСЛ 116, л. 400об., 401).

¹⁸ Помимо фразы, которую исследовала Семячко, в текстах, посвященных Сергию Радонежскому, можно обнаружить и другие упоминания Русской земли. В Житии Сергия: «Се убо Руския земли паче же вселенния похвала» (Соф. 1248, л. 329); в службе: «Воистинну ты велика учителя, мудре Сергие, Русским странамъ Христосъ дарова» (начало из П9К2m2) (ТСЛ 116, л. 408об.); в кондаке и иконе упоминается «отечество» Сергия: «И яко солнце отчъству си въсиаль еси» и «Радуися, похвало отчъству своему» (ТСЛ 116, л. 406, 406об.), но имеется ли в виду под этим словом Ростов или «Русская земля», не ясно, Ростов в службе совсем не упоминается.

¹⁹ «... и посла сына своего Романа к Новугороду съ всею силою своею суздальскою и с нимъ князь Мьстиславъ съ смолняны, и рязанци съ своими князьми, и муромчи и полочанѣ и торопчанѣ перьяславци и ростовци и вся земля Руская» (F.l.I.48, л. 122–122об.) [Лосева 2009: 329]. Подобный список участников похода на Новгород, но без упоминания переяславцев и ростовцев, есть и в Новгородской первой летописи обоих изводов, где он также заканчивается словами «и вся земля просто Русьская» [ПСРЛ, 3: 33, 221]. Сохраняется эта фраза и в Новгородской IV летописи; см. сопоставление летописных рассказов в: [Севастьянова 2011: 266].

²⁰ В списке «Слова о знамении» в рукописи Соф. 396 есть еще один фрагмент с упоминанием «Русской земли»: «И придоша к Новугороду сусьдальци съ всеми князьми земля Руския...» (Соф. 396, л. 2об.) [Лосева 2009: 330]. Хотя

Очевидно, что в Знаменском цикле Пахомий сознательно избегал противопоставлять Новгород «всей земле Русской», а в стихире Службы Варлааму Хутынскому представил «Великий Новгород» если не как особую часть «Русской земли», то как пространство, сосуществующее с ней в некотором бесконфликтном соседстве хотя бы в том идеальном мире, которому принадлежит святой Варлаам.

2. «Великий Новгород» в отношениях с подвластными землями. В «Воспоминании» Знаменского цикла, а именно в декларативной фразе и в рассказе о событиях на Двине, Пахомий отделяет «Великий Новгород» от территорий, которыми новгородцы «владеют»: «Житие проходящимъ человеком Великаго Новаграда, [...] владеще областью своею, якоже и лѣпо бѣ...» (л. 171об.–172); «...едина от власти града того, Двина глаголемаа, отметнувшисья убо обычную дань даати Новуграду...» (л. 172). Очевидно, что здесь понятие «Великий Новгород» (или «Новгород») не распространяется на всю подчиненную политической общине Новгорода территорию, но обозначает город и сам «новгородский политический коллектив» [Лукин 2018: 403–408], который владеет «областью своею» и получает с нее дань.

В этой связи уместно вспомнить о сниженном по сравнению со «Словом о знамении» интересе Пахомия к вопросу о праве новгородцев на территории при возросшем внимании к вопросу о власти над «Новгородом», что проявилось в частности в исключении из рассказа о конфликте вокруг Двинских земель каких-либо упоминаний о Боге и его помощи новгородцам в борьбе за эти территории [Исидорова 2023: 44–47]. Получается, что если отношения «Великого Новгорода» с «Русской землей» Пахомий представил лишенными какой-либо враждебности, расположив обе эти сущности в сфере сакрального, то отношения «Великого Новгорода» с подвластными территориями он заключил в сферу земного, где как раз и возможны конфликты из-за неуплаты дани и права взимать ее. В таком случае в Знаменском цикле мы, похоже, имеем дело с двумя разными по своей природе ипостасями «Великого Новгорода», которые можно условно назвать «градом земным» с его «политическим народом», владеющим подчиненными территориями, и «градом небесным», пространственные характеристики которого мы пока не выяснили.

в двух других списках «Слова» нет фразы «съ всеми князьями земля Руския», не исключено, что в списке, которым пользовался Пахомий, эта фраза была, поскольку в «Воспоминании» этот фрагмент выглядит так: «И пришьдше суздальци съ всею силою...» (л. 173об.). Если это так, то перед нами четвертый случай, когда Пахомий исключил из своих текстов ассоциацию осадивших Новгород войск с «Русской землей».

3. «Великий Новгород» в контексте сюжета и идейного содержания Знаменского цикла. Пространственная идентификация понятия «Великий Новгород» в Знаменском цикле обусловлена двумя обстоятельствами, составляющими основу сюжета и идейного содержания этих текстов: осадой города и его сакральным статусом. Сюжет осады сам по себе требует обособления городского пространства, поскольку территория вне города занята врагами. Кроме того, в связи с осадой актуализируется не только физическое, но и символическое значение стен Новгорода, куда выносятся икона Богородицы — защитницы города.

Придание «Великому Новгороду» сакрального статуса также требует наличия у него четких границ: в отличие от не имеющих ясных пределов и переходящих из рук в руки территорий, город, обведенный и замкнутый стенами, отделяющими его от профанного, мирского пространства, может восприниматься как обособленный сакральный объект. Известно, что сакрализация городского пространства с определенными и ненарушенными границами имеет древние корни в европейской и мировой культуре [Элиаде 1999: 340]. На связь с этими представлениями указывает и процитированный выше тропарь, в котором способность Богородицы защитить город от врагов связывается с ее девством (ПРК2м4, л. 182об.). Таким образом, ясно, что в контексте Знаменского цикла сакральная ипостась «Великого Новгорода» должна ограничиваться пределами города.

4. Территориальная принадлежность Хутынского монастыря. В пользу того, чтобы понимать под выражением «Великий Новгород» именно город, говорят и следующие наблюдения над употреблением этого наименования в Хутынском цикле. В тех немногих случаях, когда Пачомий делает отсылку к появившемуся прежде в тексте наименованию «Новгород» или «Великий Новгород», он неизменно использует лексему «град» с указательным местоимением «тот»: «Бѣ бо, рече, тогда кнезь въ *Великомъ Новѣграде*, якоже обичаи есть *того града* гражданомъ...» (л. 36об.) [Карбасова et al. 2019: 192]; «Есть убо обичаи въ *томъ Новѣградѣ*, [...] вьсь народ съ архиепископомъ *града того* [...] народи съ архиепископомъ *прѣдреченаго града того* [...] *тогоже града* кнезь» (л. 57об.–58) [Карбасова 2018: 22].

С другой стороны, в случае с Хутынским циклом у нас как будто есть формальные основания относить наименование «Великий Новгород» ко всей Новгородской земле, поскольку Хутынский монастырь с мощами Варлаама находился вне городских стен Новгорода, о чем не раз упоминается в Житии и Похвальном слове, а в приведенных выше песнопениях из Службы Варлааму «Великий Новгород» похваляется

тем, что имеет мощи святого «в себе». Следует ли разрешить это противоречие, расширив до максимально возможных физические пределы территории, покрываемой понятием «Великий Новгород»? Мне кажется, это совсем не обязательно.

Пригородные монастыри были повсеместно распространенным явлением как в русских землях, так и в знакомых Пахомию православных странах. Например, несколько монастырей с разнообразными реликвиями, мощами святых и почитаемыми источниками располагались за городскими стенами Константинополя. Тем не менее благодаря пешей доступности эти монастыри были прочно связаны с религиозной жизнью византийской столицы: их регулярно посещали горожане и паломники, в том числе из русских земель [Majeska 1984: 319–321, 325–333; Angelidi, Papamastorakis 2005: 209]. Последние иногда отмечали в своих записках, что святилище находилось «внѣ града» и, чтобы посетить его, им пришлось «поити вон из Царяграда». В некоторых случаях паломник сообщает: «идохом далече внѣ града», и однако в тот же день «възвратихомся в град» (цит. по: [Majeska 1984: 45, 149, 191]). Иные паломники, говоря о тех же самых местах, а подчас и те же самые паломники, но в иных случаях, вообще не упоминают о том, что выходили из города (см. примеры в: [Ibid.: 97, 151, 163]). По-видимому, в представлении паломников и горожан эти пригородные монастыри с их святынями включались в единое сакральное пространство со всем тем, что находилось внутри городских стен Константинополя.

В тесном соседстве с городом существовал и Хутынский монастырь. В Похвальном слове Пахомий рассказывает о таком обычае: в случае засухи или, наоборот, не прекращавшихся дождей архиепископ вместе с народом отправлялся в монастырь отслужить молебен у гроба Варлаама. Заурядность такой практики агиограф объясняет тем, что монастырь «нѣсть бо далече, нь яко 7 стади от града того» (л. 58–58об.) [Карбасова 2018: 22]. Несомненно, в городе считали Варлаама «своим» святым, и некоторое физическое расстояние между городом и ракой с его мощами не имело значения.

* * *

Подводя итог этому экскурсу, можно заключить, что территориальный охват воображаемой сакральной сущности, именуемой в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия «Великим Новгородом», ограничивается городом с пригородными монастырями. Для более широкого в пространственном отношении толкования этого понятия оснований не обнаруживается.

III. Новгород в религиозно-политической концепции ранних новгородских циклов Пахомия

Исследование высказываний о Новгороде в Знаменском и Хутынском циклах Пахомия Логофета обнаружило взаимосвязанные идеи, составляющие определенный образ города, появление и разработку которого следует полностью атрибутировать Пахомию и его заказчику архиепископу Евфимию II, поскольку мы не находим ничего подобного ни в произведениях, написанных ранее для богослужений на те же праздники, ни в каких-либо других текстах, откуда он мог бы его целиком заимствовать. Основу этой концепции составляет идея сакральности самого города Новгорода (точнее, города с пригородными монастырями) и его особых отношений с Богом и Богородицей, а также Варлаамом Хутынским. Рассмотрим теперь, как связан этот образ с другими ключевыми идеями этих циклов, и попробуем определить его место в общей идеологической — религиозно-политической по своему характеру — концепции ранних новгородских циклов Пахомия.

Если в Хутынском цикле идея сакральности города представлена исключительно с помощью риторических приемов, главным образом через уподобление Новгорода Иерусалиму и Синаю, основанное на том, что Новгород — тоже место, которое вырастило святого и теперь содержит его мощи, то в Знаменском цикле той же цели служит прежде всего разворачивающееся действие самой знаменской драмы, а риторические приемы и разъяснения «от автора» формируют нужную интерпретацию происходящего. Событие, именуемое «знамение», является актом *иерофании*, если взять греческий религиозный термин, используемый Мирчей Элиаде, т. е. «проявлением священной реальности» [Элиаде 1994: 17, 25–26, 38]: в момент крайней опасности обнаруживается, что истинными суверенами Новгорода являются Бог и Богородица, которые защищают «свой» город. Таким образом, в представленной в Знаменском цикле визионерской концепции мироустройства сакральный статус Новгорода оказывается экзистенциальной основой его политического устройства, в связи с чем можно говорить о «политической» роли главных действующих лиц знаменской драмы и о «политическом» характере вскрывшегося в ее ходе миропорядка.

Политическая роль Богородицы представлена в Знаменском цикле наиболее детально: ее главные контекстные роли очерчены двумя титулами — «царица» и «воевода». На большое значение, которое имеет для концепции Знаменского цикла именование Богородицы «царицей», указывает — помимо неоднократного появления этого титула в разных частях текста — упоминавшееся выше пространное риторическое рассуждение в Похвальном слове о причине неудачи, которая постигла

протодьякона и клириков, когда они попытались взять из церкви Спаса на Ильине улице образ Богородицы, чтобы принести икону к архиепископу по его распоряжению. Этот эпизод, не имевший объяснения в «Слове о знамении», Пахомий сравнил с ситуацией обращения подданных к земному царю, когда, нуждаясь в нем, они просят его прийти и совершают надлежащие действия:

Се бо и земляныхъ цареи есть, егда потреба есть звати его, не рабы посилаемъ нъ сами съ дари различными, и на колѣну пающе, молимъ достолѣпну царю чьсть въздающе, колми же самой Царице, Цара небесы и земли рождышой, не подобаше, якоже повелѣваемъ приити, нъ, *яко царицу и избавительницу*, чьстнѣ самому архиепископу и съ прочимъ народомъ, молебная съвршывьше, не тъкмо на рукахъ, нъ на самой главѣ примити (л. 191–191об.).

При этом сравнение Богородицы с земным царем создает двойственный эффект: Богородица явно ставится выше земных царей, но в то же время оказывается связана со сферой земной политики и власти. Настойчивое повторение в Знаменском цикле фраз «град твой» и «град свой», усваивающих Новгород Богородице, укрепляет эту связь.

В том же фрагменте вслед за титулом «царицы» Пахомий называет Богородицу «избавительницей», указывая этим на вторую область ее взаимодействия с людьми — защиту, избавление их от зла. Это именование, безусловно, допускает богословскую интерпретацию роли Богородицы в общей «истории спасения» людей, однако контекст знаменской легенды увязывает его прежде всего с судьбой Новгорода: в момент экзистенциальной опасности для города оказалось, что его оборону возглавляет Богородица-«воевода», пребывающая в городе посредством своей иконы. Заметим, что в контексте современной Знаменскому циклу политической реальности русских земель это означало, что Богородица взяла на себя функции князя, главной обязанностью которого являлась именно оборона подвластной территории и населяющих ее людей. Напомню, что эта функция названа в «Воспоминании», а также в Житии Варлаама Хутынского, единственной целью приглашения князя в Новгород²¹, однако князь, хотя и назван по имени вслед за декларативной фразой в «Воспоминании», никакого участия в происходящем не принимает, а в Похвальном слове и в текстах Службы Знамения не упоминается вовсе.

Концепция Новгорода как священного города, несомненно, наследует многослойной византийской традиции, соединяющей античные

²¹ «Воспоминание»: «кнеза имѣюще от иних странъ призванаго, въ отмъщение съпротивнимъ» (л. 171об. —172); Житие Варлаама Хутынского: «кнеза дръжеше въ омъщение съпротивнимъ» (л. 36об.) [Карбасова et al. 2019: 192].

греко-римские корни с иудейскими. Ее риторические элементы были заимствованы Пахомием из библейских и византийских литургических и повествовательных текстов, связанных с Иерусалимом и Константинополем [Исидорова 2020a: passim]. Источником представления Богородицы в двойной роли правительницы («царицы») и защитницы («воеводы», «избавительницы») является константинопольская традиция почитания Богородицы как «царицы города» (*regina poli* (Согіррус II, 53)), присутствующей в городе и защищающей его посредством своих реликвий и икон. Как показывает Б. Пентчева, сперва в Акафисте, написанном, вероятно, в конце V — начале VI в., а затем постепенно на протяжении VI–VII вв. в визуальной культуре (императорских монетах, печатях, фресках, мозаиках) и различных текстах образ Богородицы обретает черты императрицы и качества, которые прежде атрибутировались собственно императрице и языческим богиням — Тюхе (судьбе) Константинополя и Нике (победе), ассоциировавшихся с императором, его властью, защитой и процветанием имперской столицы, а также с военными победами императора, которые, по римской традиции, утверждали право на императорскую власть. Наконец, в гомилии на Акафист, которая датируется VIII в. и приписывается Андрею Критскому, среди различных именовании Богородицы встречается выражение, объединяющее две основные роли Богородицы, связанные с политической сферой: βασιλὶς στρατηγός [Pentcheva 2006: 12–26, 49–80], т. е. «царица-воевода» на языке Знаменского цикла.

Рассмотрим сделанные наблюдения в связи с задачей, которую мог поставить перед Пахомием Логофетом заказчик Хутынского и Знаменского циклов архиепископ Евфимий II. Приглашение Пахомия в Новгород для работы над этими богослужебными циклами принято рассматривать как проявление усилий этого архиепископа по «возвеличиванию Новгорода», чему, в частности, должно было способствовать создание культа новгородской старины и формирование пантеона новгородских святых. Однако мнения исследователей относительно причин, побудивших Евфимия II к такой деятельности, расходятся. Наиболее старая гипотеза, имеющая и поныне своих приверженцев, связывает тенденцию к «идеализации исторического прошлого Новгорода» с попыткой новгородского архиепископа «найти идейную почву для своих антимосковских устремлений», совпадавших с желанием «верхушки боярства» противостоять «объединительным тенденциям Москвы» [Лихачев 1959: 66, 68, 70; Дмитриев 1973: 128; Хорошев 1986: 138–140; и др.]. С этой версией не соглашается А. Г. Бобров, который полагает, что обращение новгородского архиепископа к старине было вызвано его негативной реакцией на церковную унию, поддержанную

Псковом, Тверью и Москвой [Бобров 2001: 199–200, 210, 213]. О. В. Севастьянова [2011: 342–355] критикует обе эти гипотезы на основании анализа идейных тенденций Новгородской IV летописи, составленной при дворе Евфимия II, и связывает тенденцию к возвеличиванию Новгорода не столько с внешними, сколько с внутренними изменениями в новгородском обществе, а именно с развитием республиканского строя, ростом богатства и независимости города. Лукин же соглашается с положением об антимосковской направленности знаменского культа, но, как и Севастьянова, находит в текстах, посвященных Знаменю, в том числе в текстах Пахомия, республиканские настроения, а именно стремление «вернуться к представлению о Новгороде как об “отчине” самих новгородцев», т. е. не связывать новгородское «самовластье» с какими-либо князьями. В то же время культ иконы Богородицы «Знамение» не имел, по мнению Лукина, потенциала, который позволил бы ему стать воплощением «республиканской политической идентичности» новгородцев, поскольку не Богородица, а Св. София с давних пор воспринималась как патрон политической общины Новгорода. Культ Знамения Лукин скорее склонен связывать с владычной кафедрой, указывая на появление изображения Богородицы в образе Знамения на владычных печатях [Лукин 2021а: 67; Idem 2022: 221–235].

Безусловно, в пользу мнения Лукина о связи знаменского культа с новгородскими архиепископами говорит отчетливая тенденция к возвеличиванию архиепископа Иоанна как главного героя знаменской истории, выступившего в качестве посредника между Богом и жителями Новгорода. Эта тенденция наметилась уже в «Слове о знамении», а в Знаменском цикле была существенно усилена [Агафонов 2015б: 115; Исидорова 2023: 50–52]. Однако утверждение об антимосковской направленности этого культа нуждается в уточнении. Оно представляется справедливым в отношении «Слова о знамении», создание которого было, по-видимому, связано с конфликтом 1397 г. между Новгородом и Москвой из-за Двинских земель [Севастьянова 2011: 262–265, 268–269]. Однако в Знаменском цикле Пахомий отказался от обоснования прав новгородцев на территории санкцией Бога и тем самым вывел эту тему за рамки своей религиозно-политической концепции. Знаменателен также отказ Пахомия от характерного для «Слова» противопоставления Новгорода «Русской земле» и фраза из стихиры Варлааму Хутынскому, предполагающая, что «Русская земля» в какой-то мере причастна святости Варлаама.

Эти наблюдения согласуются с выводами Севастьяновой об идейной направленности Новгородской IV летописи — стремлении евфимиевского сводчика не только продемонстрировать «мощь Новгорода» и

отстоять независимость новгородского судопроизводства, но и показать лояльность «к княжеской власти как таковой» и признание авторитета находившегося в Москве митрополита. Помимо этого, исследовательница обнаружила в летописи проповедь «идеалов миротворчества и смирения», единства новгородского общества и в то же время подчеркивание независимости новгородского архиепископа от светских властей Новгорода, а также критическое отношение к литовским князьям [Севастьянова 2011: 306–336, 355]²².

Все это заставляет сомневаться в преимущественном влиянии на идеологическую концепцию Знаменского цикла внешних факторов (объединительных попыток Москвы или унии) и стремления противостоять им. Сомнительно и предположение И. С. Агафонова [2015b: 115], что переработка Пахомием текста «Слова о знамении» «преследовала цель пропаганды культа Знаменской иконы за пределами Новгородской земли». Единственный аргумент, которым Агафонов пытается подкрепить это предположение, а именно присутствие в тексте «Воспоминания» утверждения об исцелениях от иконы [Ibid.], неубедителен, поскольку в этом высказывании нет почти ничего, что указывало бы на его апелляцию именно к внешней, а не к внутренней (новгородской) аудитории. Отмеченный в нашем анализе отказ Пахомия от противопоставления Новгорода «всей земле Русской» в Знаменском цикле и фраза о том, что Варлаам является украшением («удобрением») «Русской земли», как будто позволяют предположить, что Евфимий II мог иметь в виду и общерусскую аудиторию, однако довольно странно игнорировать тот факт, что эти тексты предназначались прежде всего именно для местных церковных праздников. Исходя из этого, стоит рассмотреть выявленный в Знаменском и Хутынском циклах образ Новгорода как часть «послания», адресованного архиепископом Евфимием своей пастве, а значит, нужно обратить внимание на внутренние обстоятельства, в которых эти тексты создавались²³.

²² Концепцию А. Г. Боброва Севастьянова считает неверной, потому что все обнаруженные тенденции сохраняются в статьях Новгородской IV летописи и после подписания унии в 1439 г. Мнение о том, что архиепископ Евфимий II сразу занял активную антиуниатскую позицию, критикуют и другие исследователи; см. об этом: [Лукин 2022: 233–234, примеч. 158]. Факты, связанные с пребыванием в Новгороде Пахомия, тоже не позволяют связать действия Евфимия по созданию культа новгородских святых с унией [Исидорова 2023: 52].

²³ Даже если архиепископ Евфимий II действительно желал шире распространить знаменский культ и вместе с ним представление о Новгороде как сакральном, богохранимом городе и о святости архиепископа Иоанна, реализация этого гипотетического желания кажется проблематичной. Тема распространения празднования новгородской иконе «Знамения» в русских землях заслуживает отдельного исследования, но, насколько мне известно, пока текстов

Полагаю, что обнаруженные в Знаменском цикле новшества, а именно повышенное внимание к вопросу о власти над городом и тенденция к возвеличиванию архиепископа Иоанна в качестве посредника между Богом и жителями Новгорода, могут сигнализировать о попытке справиться с некоторой проблематичностью статуса новгородского архиепископа внутри Новгорода, ставшей очевидной к тому времени, когда Пахомий приступил к работе.

Как известно, легитимность церковной власти новгородских архиепископов покоилась на двух основаниях — выборах по жребию, в которых выражалась и символизировалась воля новгородской церковной общины, и следовавшем за выборами рукоположении митрополитом Русской церкви, причем оба эти жеста, конечно, предполагали божественную санкцию. Однако, начиная со второй половины XIV в. и особенно явно в первой половине XV в., исключительно выросли влияние и самостоятельность архиепископов в сфере новгородской «светской» политики, как внутренней, так и внешней. Хотя принимать какие-либо важные решения единолично, без согласования с другими новгородскими магистратами, архиепископы не могли, их участие в управлении имело регулярный характер и даже приобрело некоторые институциональные черты, а внешне воплощалось в том, что по крайней мере при Евфимии II совещания высших магистратов Новгорода проходили именно во Владычной палате [Paul 2007: 234–238, 243–253; Лукин 2020: 100–110; Idem 2022: 230–232]²⁴. При этом возросший авторитет архиепископа в мирских делах не имел под собой никаких особых легитимирующих оснований и символизирующих эти основания жестов, если не считать таковыми те же самые выборы архиепископа по жребию. Это означает, что в делах «светского» управления архиепископ вынужден был опираться на свой ресурс главы новгородской церкви, как он это делал и прежде в тех нередких случаях, когда примирял враждующие стороны во время городских усобиц, заступался за пострадавших или брал кого-то на поруки. Между тем активное участие архиепископа в делах «светского» управления зачастую наталкивалось на сопротивление вече, преодолеть которое было не всегда легко [Idem 2020: 102–105].

Можно осторожно предположить, что неизбежные конфликты с паствой, в которые оказывались втянуты новгородские архиереи из-за

Знаменского цикла в книгах, написанных до конца 1470-х гг. вне Новгорода и подвластных ему территорий, не обнаружено. Совсем другое дело — культ Варлаама Хутынского, который в 1460-е годы стал распространяться в Москве [Карбасова 2020: 158–159], правда, и это случилось только спустя двадцать с лишним лет после написания Хутынского цикла и уже при новом новгородском архиепископе.

²⁴ См. там же обзор и критику мнений других исследователей этого вопроса.

своего участия в управлении мирскими делами, стали ощущаться ими самими как несоответствующие статусу духовного главы и подрывающие их авторитет, тем более что самой своей мирской активностью новгородские архиепископы значительно отличались от прочих архиереев православной церкви, как русских, так и византийских, хотя, безусловно, уступали в этом католическим епископам в Западной и Центральной Европе [Paul 2007: 242–243]. Вероятно, такое положение могло подтолкнуть новгородских архиепископов к поискам обоснования, т. е. легитимации, своего права участвовать в делах «светского» управления. При этом они не имели возможности получить легитимацию этой своей деятельности от верховного светского правителя, как это было в случае с западными епископами, которые получали от императора титул князя со всеми соответствующими полномочиями или становились епископами, уже сделав определенную карьеру на королевской или императорской службе [Ibid.: 239]. Не исключено, что лично для Евфимия II дополнительным стимулом могли стать затруднения с его рукоположением, когда он несколько лет оставался в статусе избранного, но не рукоположенного новгородского архиепископа [Шибяев 2008а: 433]. Все это могло навести его на мысль о необходимости укрепить свой авторитет, обосновав легитимность своей власти в сфере «светской» политики, а также, вероятно, каких-то своих политических амбиций, божественной санкцией, как в случае с обоснованием церковной власти. Это и было выполнено Пахомием посредством «обосновывающей истории», в которой раскрывалась исключительная роль архиепископа в Новгороде, ведь «[в]ласть “легитимируется ретроспективно и увековечивается проспективно”» [Ассман 2004: 75]²⁵.

По-видимому, неслучайно в текстах, предназначенных для праздника Знамения, архиепископ Иоанн оказывается единственным человеком, от чьих действий зависит спасение города и жителей. Уже в источнике пахомиевских текстов, в «Слове о знамении», исчезло всякое упоминание о посаднике Якуне, который в ранних летописных рассказах о походе суздальского войска на Новгород в 1169–1170 гг. был представлен наряду с находившимся в городе князем как главное лицо в городе и организатор обороны от суздальцев [ПСРЛ, 3: 33, 221]. Князь же в начале текста «Слова» назван по имени, но больше в повествовании не

²⁵ Здесь легко увидеть многочисленные параллели с распространением преданий и мифов, повествующих о связи правителя с божеством, его посреднической роли между божеством и людьми, а также культурами святости какого-либо предка, которые средневековые правители использовали для легитимации своей власти; см., например, о подобной практике у скандинавских правителей в: [Steinsland 2011: 4–5, 8–11].

появляется²⁶. Вместо них основным действующим лицом представлен как раз сменивший имя с Ильи на Иоанна архиепископ [Агафонов 2015а: 16–19]. Пахомий придал этим усилиям законченную форму, сделав вопрос о власти над Новгородом ключевым пунктом Знаменского цикла и подчеркнув высокий статус архиепископа Иоанна как посредника, реализующего ради спасения города волю «истинных» правителей Новгорода — Христа и Богородицы. Акцент на посреднической роли архиепископа тем более очевиден, что о его личных добродетелях Пахомий упоминает в единственной фразе в Похвальном слове, когда, впервые говоря об архиепископе Иоанне в этом тексте, называет его «мужемъ въ добродѣтели съвршѣну» (л. 189), причем эта фраза непосредственно предваряет слова о посреднических действиях владыки и тем самым объясняет, почему при известии о вражеской агрессии только архиепископ не впадает в малодушное уныние, охватившее остальных жителей города, но утешает людей, призывает их не оставлять надежды и уповать на Бога. Заметим, что все это архиепископ говорит еще до того, как во время ночной молитвы общается с Богом и получает обещание спасения, т. е. он оказывается единственным человеком, который не теряет свою веру, т. е. связь с Богом. Особые отношения архиепископа с Богом подчеркнуты и тем, что, в отличие от «Слова о знамении», в пахомиевском Похвальном слове архиепископ не только выслушивает, что Бог повелевает сделать для спасения города, но и вступает в диалог с ним, задает Богу вопросы (л. 190–190об.). Там же Пахомий специально разъясняет, почему именно «самому» архиепископу, а не его подчиненным («рабам»), следовало идти в церковь Спаса на Ильине улице за иконой Богородицы (л. 191–192об.). В Службе Знамения Пахомий утверждает, что Богородица являлась архиепископу (л. 154–154об.). Посреднической силой, по утверждению Пахомия, обладала даже речь архиепископа — через нее Богородица внушала жителям Новгорода смелость, нужную для борьбы с врагами (В, л. 174; ПС, л. 191).

В подобной роли посредника в деле спасения города и людей архиепископ представлен и в Похвальном слове Варлааму Хутынскому, где Пахомий повествует о традиции архиепископу вместе с народом отправляться в Хутынский монастырь служить молебен у гроба Варлаама, когда из-за длительной засухи или постоянных дождей людям

²⁶ В Новгородской IV летописи упоминание о посаднике Якуне сохранилось, но там он вместе с владыкой Иоанном выносит на городскую стену икону Богородицы, в то время как в Новгородской первой летописи о выносе иконы ничего нет. Князь в Новгородской IV летописи, как и в младшем изводе Новгородской первой летописи, подразумевается неспособным организовать сопротивление ввиду своего молодого возраста; см. сопоставление этих фрагментов из летописей в: [Севастьянова 2011: 266].

угрожает гибель урожая и следующий за этим голод (л. 57об.–58об.) [Карбасова 2018: 22]. Это хождение архиепископа с народом к святыне и молебен перед ней ради спасения от смерти напоминает подобный эпизод в «Воспоминании» и Похвальном слове Знаменю — приход архиепископа Иоанна с народом в церковь за иконой Богородицы, молебен там и перенесение иконы на стену города (л. 174об.–175об., 191–192об.). Таким образом, и в Знаменском, и в Хутынском цикле Пахомий связывает архиепископа с обеспечением выживания жителей Новгорода в ситуации угрозы и акцентирует его роль посредника, который оказывается необходим для спасения людей, также как икона Богородицы или мощи святого Варлаама.

Представляя жителей Новгорода слабыми и маловерными²⁷, Пахомий тем не менее утверждает, что город уже заранее «искуплен», т. е. божественная поддержка и спасение обоснованы принадлежностью самого пространства города Богу и Богородице как его верховным сюзеренам, сакральностью самого города. В таком случае *архиепископ в качестве посредника*, обеспечивающего необходимый для спасения города контакт с его *верховными правителями — Богом и Богородицей*, оказывается связан с *городом как сакральным объектом* помимо жителей с их слабостями, сиюминутными конфликтами и прегрешениями. И в такой *схеме мироустройства* сакральность Новгорода становится одним из *трех непременных элементов*.

В заключение стоит отметить, что такая религиозно-политическая концепция Новгорода особым образом резонирует с фразой «воля Божья и Великого Новгорода», самое раннее упоминание которой обнаружено Лукиным в письме 1406 г., отправленном арестованными в Новгороде ганзейскими купцами властям города Любека [Лукин 2021б: 396–398]. Этой фразой новгородский тысяцкий, чьи слова передают в своем письме купцы, обозначил двуединый источник принятия политического по своей сути решения в отношении жалобы купцов на свое задержание, причем, как отмечает Лукин, в этой фразе воля Бога и воля «Великого Новгорода» как политического коллектива представлена как одна (*wille*) [Ibid.: 396, 400]. В таком случае получается, что, настаивая на посреднической роли архиепископа, Знаменский цикл показывает, каким именно образом осуществляется то самое единство «воли

²⁷ В Знаменском цикле Пахомий называет жителей Новгорода «христоименитым стадом», «стадом» Богородицы, ее «верными рабами» и т. п. (л. 163об., 175об., 189об., 193, 197, 198об., 200об. и др.), однако их вера слаба, она нуждается в укреплении — для этого и нужно чудо с иконой, как объясняет архиепископу Бог (ПС, л. 190об.); да и сами жители города слабы и нуждаются в защите и поддержке — поэтому Богородица дает им «дрзновение» (л. 154об., 161, 165об., 169об., 193), силы бороться с многочисленными врагами и дарует победу (л. 152об., 161, 170об., 182об., 194об.).

Божьей и Великого Новгорода», к которому апеллировал тысяцкий в реальном разговоре с немецкими купцами, случившемся за тридцать лет до появления в Новгороде Пахомия. В такой перспективе допустимо предположить, что в подчеркивании значимости архиепископа в Знаменском цикле могла быть заинтересована не только владычная кафедра. Возможно, здесь мы имеем дело с областью сплетения интересов и, как следствие, продуктивного идеологического взаимодействия религиозных и республиканских институтов Новгорода. Если, как полагает Лукин, интерес республиканских властей к знаменскому культу объяснялся поиском в религиозной сфере альтернативы традиции связывать начало новгородских «вольностей» с княжескими грамотами [Idem 2022: 221–222], то позиционирование архиепископа в качестве посредника между Богом и Новгородом могло не только стать ключом к легитимации возрастающей роли новгородского владыки в сфере управления светскими делами Новгорода, но и встроиться в соответствующую республиканскую идеологию, где архиепископу отводилось бы место живого символа единства «воли Божьей и Великого Новгорода». С другой стороны, нельзя не увидеть в этой тенденции к усилению власти архиепископа и потенциальной опасности для республиканских институтов Новгорода, а значит, и определенного противоречия между представленной в Знаменском цикле моделью мироустройства и республиканской идеологией.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Библиография

Источники

Рукописи

Егор. 637

Сборник житий и слов, 1470-е гг., собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), РГБ; датировка по: [Клосс 1998: 205].

Син. тип. 157

Пролог, первая треть XIV в., Собрание синодальной типографии, РГАДА; датировка, публикация проложного Жития Варлаама Хутынского: [Лосева 2009: 319–324].

Соф. 396

Минейя праздничная, 1420–1430 гг., Софийское собр., РНБ; [<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyi-katalog?ab=D684C217-677F-40DD-AADA-33FD3A80D9B1>]; датировка, публикация «Слова о знаменнии» в разночтениях: [Лосева 2009: 202, 328–334].

Соф. 429

Сборник-конволют, конец 30-х — начало 40-х гг. XV в., Софийское собр., РНБ; описание, датировка, публикация Жития Варлаама Хутынского: [Карбасова et al. 2019].

Соф. 1248

Сборник-конволют, 40–50-е гг. XV в., 1441 г. (л. 2–328), Софийское собр., РНБ; [https://expositions.nlr.ru/ex_manus/SergeyRadonezhsky/_Project/page_Manuscripts.php?desc]; [Шибяев 2008б: 175–177].

ТСЛ 116

Апостол толковый с прибавлениями, XV в., Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры (ф. 304.1), РГБ.

ТСЛ 480

Служебная минейя на октябрь, XV в., Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры (ф. 304.1), РГБ.

Увар. 325

Пролог, первая треть XV в., собрание А. С. Уварова, ГИМ; публикация «Слова о знаменнии»: [Лосева 2009: 16, 202, 328–334].

Ф.п.1.48

Пролог на сентябрь–февраль, 1429–1434 гг., написан для церкви Бориса и Глеба в Русе (Старой Руссе), Основное собрание рукописной книги, РНБ; [<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyi-katalog?ab=A2934970-3CB6-4989-B24E-813A59D35954>]; публикация «Слова о знаменнии» в разночтениях: [Лосева 2009: 328–334].

Издания

ПСРЛ, 3

Полное собрание русских летописей, 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, 2000.

Corippus

Corippus Flavius Cresconius, *In laudem Iustini Augusti minoris*, Cameron A., ed. and transl., London, 1976.

Литература

Агафонов 2015а

Агафонов И. С., Идеологические тенденции в нарративах Знаменского цикла XV–XVII в., *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (62), 2015, 16–22.

— 2015б

Агафонов И. С., *Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам* (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва, 2015).

Алексеев 2003

Алексеев А. А., Ветхий Иерусалим в древнерусской историографии, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 53, С.-Петербург, 2003, 446–455.

Ассман 2004

Ассман Я., *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, пер. с нем. М. М. Сокольской, Москва, 2004.

Бобров 2001

Бобров А. Г., *Новгородские летописи XV века*, Москва, 2001.

Дмитриев 1973

Дмитриев Л. А., *Житийные повести русского Севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний*, Ленинград, 1973.

Исидорова 2020а

Исидорова З. Н., Источники текстов Знаменского цикла Пахомия Логофета, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 67, С.-Петербург, 2020, 206–239.

— 2020б

Исидорова З. Н., Стихира «Якоже дрѣвле въ Иерусалимѣ» Службы Знаменю: содержание, источник, композиция, *Древнерусское песнопение. Пути во времени, 8: Средневековая литургическая традиция и музыкальная культура Новгорода Великого, Сборник статей по материалам научно-творческого симпозиума «Бражниковские чтения» 2019 г.*, Егорова М. С., Кручинина А. Н., сост. и науч. ред., С.-Петербург, Саратов, 2020, 234–250.

— 2023

Исидорова З. Н., «Декларации независимости» Новгорода в ранних новгородских произведениях Пахомия Логофета, *Словесность и история*, 2, 2023, 38–55.

Карбасова 2018

Карбасова Т. Б., Похвальное Слово Варлааму Хутынскому и его источники, *Вестник церковной истории*, 3/4 (51/52), 2018, 5–28.

— 2020

Карбасова Т. Б., Ранние службы преподобному Варлааму Хутынскому, *Древнерусское песнопение. Пути во времени, 8: Средневековая литургическая традиция и музыкальная культура Новгорода Великого, Сборник статей по материалам научно-творческого симпозиума «Бражниковские чтения» 2019 г.*, Егорова М. С., Кручинина А. Н., сост. и науч. ред., С.-Петербург, Саратов, 2020, 152–188.

— 2021

Карбасова Т. Б., О редактировании Жития Варлаама Хутынского в XVI в.: запись чудес, *Вестник церковной истории*, 3/4 (63/64), 2021, 241–265.

Карбасова, Исидорова 2020

Карбасова Т. Б., Исидорова З. Н., Богородичная тема в творчестве Пахомия Серба, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 67, С.-Петербург, 2020, 240–283.

Карбасова et al. 2019

Карбасова Т. Б., Левшина Ж. Л., Шibaев М. А., Житие Варлаама Хутынского в автографе Пахомия Серба, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 66, С.-Петербург, 2019, 171–196.

Клосс 1998

Клосс Б. М., *Избранные труды, I: Житие Сергия Радонежского*, Москва, 1998.

Лихачев 1959

Лихачев Д. С., *Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв.*, Москва, 1959.

Лосева 2009

Лосева О. В., *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков*, Москва, 2009.

Лукин 2018

Лукин П. В., «Великий Новгород», *Slověne*, 7/2, 2018, 383–413.

——— 2020

Лукин П. В., Политические функции новгородских архиепископов в ганзейских документах XIV–XV вв., *Церковь в истории России. Сборник 13: К 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Я. Н. Шапова*, Москва, 2020, 97–127.

——— 2021a

Лукин П. В., Республиканская риторика в Древней Руси, *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*, К. А. Соловьев, ред., Москва, 2021, 43–85.

——— 2021б

Лукин П. В., «Бог и Великий Новгород»: функционирование и значение формулы, *Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*, Москва, 2021, 394–402.

——— 2022

Лукин П. В., *Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя*, С.-Петербург, 2022.

Плюханова 1995

Плюханова М. Б., *Сюжеты и символы Московского царства*, С.-Петербург, 1995.

Севастьянова 2011

Севастьянова О. В., *Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII – первой половине XV в.*, Москва, С.-Петербург, 2011.

Семячко 2020

Семячко С. А. «Откуда таковой великий в послѣдняя сия врѣмена свѣтилник въсиа, еда от Иерусалима или от Синаа?», *Словесность и история*, 1, 2020, 11–36.

Хорошев 1986

Хорошев А. С., *Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.)*, Москва, 1986.

Шибает 2008a

Шибает М. А., Евфимий II, *Православная энциклопедия*, 17, Москва, 2008, 432–434.

——— 2008б

Шибает М. А., Новые данные о книгописной деятельности Евфросина Белозерского, *Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь*, С. А. Семячко, ред., С.-Петербург, 2008, 173–182.

Элиаде 1994

Элиаде М., *Священное и мирское*, пер. с фр., предисловие и коммент. Н. К. Гарбовского, Москва, 1994.

——— 1999

Элиаде М., *Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения*, Москва, 1999.

Angelidi, Papamastorakis 2005

Angelidi Ch., Papamastorakis T., Picturing the spiritual protector: from Blachernitissa to Hodegetria, *Images of the Mother of God: Perceptions of the Theotokos in Byzantium*, Vassilaki M., ed., London, 2005, 209–217.

Dijk 1998

Dijk T. A., van, *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1998.

Halperin 1999

Halperin Ch. J., Novgorod and “Novgorodian Land”, *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 43/3, 1999, 345–363.

Majeska 1984

Majeska G. P., *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (= *Dumbarton Oaks Studies*, 19), Washington, DC, 1984.

Paul 2007

Paul M. C., Secular Power and the Archbishops of Novgorod before the Muscovite Conquest, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 8/2, 2007, 231–270.

Pentcheva 2006

Pentcheva B., *Icons and power: The Mother of God in Byzantium*, University Park, PA, 2006.

Pociña 2019

Pociña J. C., The Relationship between Mentality and Ideology. Acculturation and Christianization in Galicia, 500–1100, *Ideology in the Middle Ages: Approaches from Southwestern Europe*, Sabatè F., ed., Leeds, 2019, 299–320.

Steinsland 2011

Steinsland G., Introduction. Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney, and the Faeroes, *Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney, and the Faeroes*, Steinsland G., Sigurdsson J. V., Rekdal J. E., Beuermann I. B., eds., Leiden, 2011, 1–13.

References

Agafonov I. S., The Ideological Tendency in the Znamensky Cycle of the 15th – 17th Centuries, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (62), 2015, 16–22.

Alekseev A. A., Vekhii Ierusalim v drevnerusskoi istoriografii, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 53, St. Petersburg, 2003, 446–455.

Angelidi Ch., Papamastorakis T., Picturing the spiritual protector: from Blachernitissa to Hodegetria, *Images of the Mother of God: Perceptions of the Theotokos in Byzantium*, Vassilaki M., ed., London, 2005, 209–217.

Assman J., *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, Sokolskaya M. M., transl., Moscow, 2004.

Bobrov A. G., *Novgorodskie letopisi 15 veka*, Moscow, 2001.

Cameron A., ed. and transl., Corippus Flavius Cresconius, *In laudem Iustini Augusti minoris*, London, 1976.

Dijk T. A., van, *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1998.

Dmitriev L. A., *Zhitiinye povesti russkogo Severa kak pamiatniki drevnerusskoi literatury 12–17 vv.: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*, Leningrad, 1973.

Eliade M., *Le Sacré et le Profane*, Garbovsky N. K., transl., Moscow, 1994.

Eliade M., *Izbrannye sochineniia. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniia*, Moscow, 1999.

Isidorova Z. N., Sources of the “Znamensky” Cycle Texts of Pachomius Logothetes, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 67, St. Petersburg, 2020, 206–239.

Isidorova Z. N., Stikhira “Iakozhe dreve v' Ierusalime” Sluzhby Znameniiu: sodержanie, istochnik, kompozitsiia, *Drevnerusskoe pesnopenie. Puti vo vremeni*, 8: Srednevekovaia liturgicheskaia traditsiia i

muzykal'naia kul'tura Novgoroda Velikogo, Sbornik statei po materialam nauchno-tvorcheskogo simpoziuma “Brazhnikovskie chteniia” 2019 g., M. S. Egorova M. S., Kruchinina A. N., eds., St. Petersburg, Saratov, 2020, 234–250.

Isidorova Z. N., The “Declarations of Independence” of Novgorod in Early Novgorodian Texts by Pachomius Logothetes, *Texts and History*, 2, 2023, 38–55.

Halperin Ch. J., Novgorod and “Novgorodian Land”, *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*, 43/3, 1999, 345–363.

Karbasova T. B., Encomium on Barlaam of Khutyn and its sources, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (51/52), 2018, 5–28.

Karbasova T. B., Rannie sluzhby prepodobnomu Varlaamu Khutynskomu, *Drevnerusskoe pesnopenie. Puti vo vremeni*, 8: Srednevekovaia liturgicheskaia traditsiia i muzykal'naia kul'tura Novgoroda Velikogo, *Sbornik statei po materialam nauchno-tvorcheskogo simpoziuma “Brazhnikovskie chteniia” 2019 g.*, M. S. Egorova M. S., Kruchinina A. N., eds., St. Petersburg, Saratov, 2020, 152–188.

Karbasova T. B., On the editing of Life of Saint Varlaam Hutinsky in XVI century: a record of miracles, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (63/64), 2021, 241–265.

Karbasova T. B., Isidorova Z. N., The Theotokos Theme in the Works of Pachomius the Serb, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 67, St. Petersburg, 2020, 240–283.

Karbasova T. B., Levshina Zh. L., Shibaev M. A., Pachomius the Serb's Autograph of the *Life of Barlaam of Khutyn*, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 66, St. Petersburg, 2019, 171–196.

Khoroshev A. S., *Politicheskaiia istoriia russkoi kanonizatsii (11–16 vv.)*, Moscow, 1986.

Kloss B. M., *Izbrannye trudy, 1: Zhitie Sergiia Radonezhskogo*, Moscow, 1998.

Likhachev D. S., *Novgorod Velikii: Ocherk istorii kul'tury Novgoroda 11–17 vv.*, Moscow, 1959.

Loseva O. V., *Zhitiia russkikh sviatykh v sostave drevnerusskikh prologov 12 – pervoi treti 15 vekov*, Moscow, 2009.

Lukin P. V., Novgorod the Great, *Slověne*, 7/2, 2018, 383–413.

Lukin P. V., Respublikanskaia ritorika v Drevnei Rusi, *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ia do kontsa 20 veka*, Solov'ev K. A., ed., Moscow, 2021, 43–85.

Lukin P. V., 'Bog i Velikii Novgorod': funkcionirovanie i znachenie formuly, *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Krysko*, Moscow, 2021, 394–402.

Lukin P. V., *Novgorod i Venetsiia: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniia respublikanskogo stroia*, St. Petersburg, 2022.

Majeska G. P., *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (= *Dumbarton Oaks Studies*, 19), Washington, DC, 1984.

Paul M. C., Secular Power and the Archbishops of Novgorod before the Muscovite Conquest, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 8/2, 2007, 231–270.

Pentcheva B., *Icons and power: The Mother of God in Byzantium*, University Park, PA, 2006.

Pliukhanova M. B., *Siuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva*, St. Petersburg, 1995.

Pociña J. C., The Relationship between Mentality and Ideology. Acculturation and Christianization in Galicia, 500–1100, *Ideology in the Middle Ages: Approaches from Southwestern Europe*, Sabaté F., ed., Leeds, 2019, 299–320.

Semiachko S. A., From Where Has Such a Great Lamp Shined in These Latter Days?, *Texts and History*, 1, 2020, 11–36.

Sevastyanova O. V., *Drevnii Novgorod: novgorodsko-kniazheskie otnosheniia v XII – pervoi polovine XV v.*, Moscow, St. Petersburg, 2011.

Shibaev M. A., Evfimii 2, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 17, Moscow, 2008, 432–434.

Shibaev M. A., Novye dannye o knigopisnoi deiatel'nosti Evfrosina Belozerskogo, *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi. Kirillo-Belozerskii monastyr'*, Semiachko S. A., ed., St. Petersburg, 2008, 173–182.

Steinsland G., Introduction. Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney, and the Faeroes, *Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney, and the Faeroes*, Steinsland G., Sigurdsson J. V., Rekdal J. E., Beuermann I. B., eds., Leiden, 2011, 1–13.

Зоя Николаевна Исидорова, независимый исследователь

С.-Петербург

Россия / Russia

zoe.isid@gmail.com

Received October 21, 2022